

Две смерти Ромена Гари

В современной французской литературе немало видных авторов — выходцев из России. К ним относятся Натали Саррот, Эльза Триоле, Владимир Познер, Владимир Волков, Ален Боске (недавно прославившийся автобиографическим романом «Русская мать»), Ромен Гари и Эмиль Ажар. Вот о двух последних и пойдет речь.

Ромен Гари ошеломил читающую Францию полгода назад своим неожиданным самоубийством: 2 декабря он выстрелил себе в горло. Объяснения до сих пор не нашли: шестидесятишестилетний Ромен Гари был в расцвете физических и творческих сил и в зените славы. Начиная с 1945 года, в особенности после 1960-го он почти ежегодно публиковал по роману, начиная с книги, появившейся в первый послевоенный год, «Европейское воспитание» до последней, вышедшей тридцать пять лет спустя, — «Летающие змеи». В 1956 году он получил высшую литературную награду Франции — Гонкуровскую премию — за роман «Корни неба», потом с успехом прошло несколько его фильмов, в которых играла молодая жена писателя американская киноактриса Джин Сибберг; особенно прославился фильм 1968 года «Птицы умирают в Перу». Литературная судьба Ромена Гари сложилась как нельзя лучше: этот русско-литовский еврей, Роман Кацев, родившийся в 1914 году в Вильно, приехал в двадцатых годах в Ниццу вместе с матерью, актрисой французского театра в Москве, учился во французских лицеях и университетах, получил диплом юриста в Сорбонне и филолога-слависта в Варшавском университете. В конце тридцатых, когда началась война, Ромен Гари стал летчиком-истребителем и после капитуляции присоединился к генералу де Голлю, с которым сблизился и даже подружился. «Де Голль, — говорил он впоследствии, в книге 1974 года «Ночь будет тихой», — де Голль для меня это человек [...] который вопреки своей одинокой слабости говорил нет величайшим державам мира, нет — уничтожению, нет — капитуляции самого человека; отказ от капитуляции — это, пожалуй, единственная форма человеческого достоинства, на которую мы можем претендовать».

Юрист. Писатель. Летчик, герой Сопротивления. Кинематографист. Это еще далеко не все грани его личности. Шесть из двадцати романов написаны этим русским евреем по-английски и затем им же самим переведены на французский. Он, подобно поэту Сен-Жон Персу, был дипломатом: сотрудником французских посольств в Софии, в Берне (1949), в Лондоне (1955), генеральным консулом Франции в Лос-Анджелесе (1956-1960), где четыре года близко наблюдал Голливуд, нравы и функционирование американской кинопромышленности. Ромен Гари был удивительно талантлив, и это проявлялось во всем, за что он брался: лингвистика, романы, сценарии, авиация, дипломатия. Как писатель он затронул важнейшие проблемы времени. «Все мои книги насыщены нашим веком до бешенства», — говаривал он. Мы найдем в них и польское сопротивление фашизму («Европейское воспитание»), и гибель природной среды («Корни неба»), и концентрационные лагеря («Брат Океан»), и американский расизм («Белая собака»), и многое другое. Некоторые черты сближают Гари с Хемингуэем: страсть к путешествиям и открыванию новых миров, культ мужественности и мужества, страстная заинтересованность в судьбе доверенной людям и уничтожаемой ими природы, солдатская самоотверженность и вера в честь как высшую доблесть человека. Своему другу, известному критику Франсуа Бонди, он как-то сказал: «По-русски гори — это повелительное наклонение глагола гореть; от этого приказа я никогда не уклонялся ни в творчестве, ни в жизни». И вот 2 декабря 1980 года он услышал этот приказ — услышал на своем родном языке это повелительное наклонение — и сгорел: прострелил себе горло. Почему? Может быть, это связано с тем, что за год до того любимая женщина, актриса Джин Сибберг покончила с собой в

день выхода на экран фильма Гари и Коста-Гавраса «Clair de femme» («Свет женщины»). Все это покрыто тайной, и, вероятно, критик газеты «Монд» Жаклин Пиатье была права, когда в декабре писала: «Эти сильные натуры, живущие перенасыщенной жизнью и необузданными требованиями, нередко таят в себе тревогу, глубокие трещины, трагическое сомнение в смысле бытия, и вдруг неожиданно для всех они должны рухнуть. Тогда их исчезновение создает ничем не восполнимую пустоту».

Такова одна из ярких писательских судеб русских эмигрантов во Франции. Теперь расскажем о другой. Речь пойдет об Эмиле Ажаре, молодом авторе, прогремевшем осенью 1974 года, когда появился его роман «Gros Calin» («Толстяк») — философско-художественное сочинение о человеке, который, чтобы уйти от гнетущего одиночества, живет в обществе питона. Имени Ажара никто не слышал до того; говорили, что рукопись пришла в издательство «Галлимар» из Бразилии почтой. Год спустя, в 1975-м, другой роман Эмиля Ажара, «Жизнь впереди», был награжден Гонкуровской премией; речь идет об арабчонке Момо, которого воспитала недавняя проститутка, Madame Rosa, французская еврейка, — в кино ее роль с блеском исполнила Симона Синьоре. Эмиль Ажар от премии отказался, и при этих обстоятельствах выяснилось, что Ажар — псевдоним, за которым скрывался некий Поль (Павел) Павлович, двоюродный племянник Ромена Гари. Его биография похожа на дядину: литовский еврей, очень молодым эмигрировал во Францию с матерью, которая была ювелиршей в Ницце, разорилась и сошла с ума. Сам Эмиль Ажар, то есть Поль Павлович, не выдержав нервного потрясения, вызванного историей с Гонкуровской премией, попадает — по следам своей матери — в психиатрическую лечебницу в Дании и там пишет в 1976 году автобиографическую книгу «Псевдо», где в некоем Макуте читатели узнают Ромена Гари: племянник сводит счеты с нелюбимым дядюшкой, самовластным, вздорным, даже тираническим стариком. Критики пишут об Ажаре с растущим восхищением, и в конфликте «дядя — племянник» сочувствуют молодому, стилистически более изощренному и поражающему блеском воображения писателю — особенно в романе «Страхи царя Соломона», появившемся в 1979 году. Поль Павлович, то есть Ажар, — автор бестселлеров; он богат и почитаем; издательство «Меркюр де Франс» приглашает его литературным директором (то есть главным редактором), и Павлович, оценивая рукописи уже молодых авторов, определяет издательскую политику. И вдруг...

Вдруг французы узнают, что дядя и племянник, Ромен Гари и Эмиль Ажар — одно и то же лицо. В какой-то момент Ромену Гари стала невтерпёж его уже сложившаяся литературная репутация, и он решил начать сначала, от нуля. Под псевдонимом «Ажар» он послал рукопись в издательство из Бразилии. Рукопись отстояла себя сама, и тогда же, в сентябре 1974 года, в газете «Монд» появилась статья Ж. Пиатье под заглавием «Замечательное открытие». И Эмиль Ажар стал существовать сам по себе, отдельно от Ромена Гари; когда же по случаю Гонкуровской премии ему пришлось материализоваться, Гари убедил своего племянника взять на себя эту роль. Так появился Поль Павлович, сотрудник и друг Гари, который согласился на псевдоним «Ажар». Французы только теперь заметили, что обе фамилии по-русски связаны образом огня: первая от «гореть», вторая от «жар». Могло ли им прийти в голову, что один и тот же человек, как бы он ни был яростно талантлив, за пять лет написал семь книг от самого себя и еще четыре от выдуманного автора, итого одиннадцать — не говоря о других формах деятельности.

Третьего июля в очередном (282-м!) выпуске телевизионного литературного журнала «Апостроф» появился Поль Павлович, теперь наконец написавший и собственную книгу под заглавием «L'homme que l'on croyait» («Человек, которому верили»), — это история отношений племянника с дядей и, следовательно, история одной из удивительнейших литературных мистификаций. Поль Павлович смущенно отвечал на вопросы собеседников: Почему он согласился на ложную роль? Много ли денег принесли ему книги Ажара? Зачем он написал теперь книгу с разоблачением истины? В ходе беседы были высказаны интересные мысли об этом эпизоде. Друг Ромена Гари — Франсуа Бонди сообщил о том, с каким равнодушием французы читают известных авторов: одна из книг Гари вышла дважды под разными заглавиями,

и читатели этого не заметили; Гари хотел разбить лед инерции и читательского безразличия. А Мишель Турнье, сам крупный прозаик, сказал: «Меня восхищает удача Гари. Он играл до конца. Думаю, что самоубийство с этой историей связано. А книги Эмиля Ажара превосходны: Ромен Гари превзошел самого себя. Конечно, это мошенничество; но ведь мошенничество — это свойство художественной литературы: писатель непременно сочиняет и персонажей, и самого себя». Еще один из участников беседы, профессор-психиатр Мантель, назвал Романа Гари большим прозаиком, а Эмиля Ажара — великим писателем.

Критик журнала «Нувель обсерватор» Ги Дюмор вторил ему: «Можно полагать, что Эмиль Ажара запомнят лучше, чем Романа Гари».

Таков этот эпизод современной французской литературы, уходящий корнями в Россию. Как видим, к французским писателям русской культуры и русского происхождения прибавился еще один: Эмиль Ажар.